

Слезин А. А.

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ
СРЕДИ МОЛОДЁЖИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ**

В статье исследуются законодательная база и правоприменительная практика советского государства в отношении религии в период перехода к нэпу. Показаны особенности осуществления государственной функции политического контроля среди молодёжи, роль комсомола в противоборстве государства и церкви.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2009/2/27.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (3). С. 92-98. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2009/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ СРЕДИ МОЛОДЁЖИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

Слезин А. А.

*Кафедра истории и философии
ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»
slezins@mail.ru*

Статья рекомендована к публикации д.и.н., проф. Яковлевым С. А. и к.ю.н., доц. Красниковым В. В.

Аннотация. В статье исследуются законодательная база и правоприменительная практика советского государства в отношении религии в период перехода к нэпу. Показаны особенности осуществления государственной функции политического контроля среди молодёжи, роль комсомола в противоборстве государства и церкви.

Ключевые слова и фразы: комсомол; компартия; суд; законодательство; политический контроль; религия; нэп.

В 1921 году изменения экономического курса большевиков породили надежды на ослабление действий власти против церкви и верующих. В реальности этого не произошло. В мае 1921 года Пленум ЦК РКП(б) рассмотрел вопрос о нарушении членами партии пункта 13 Программы РКП(б), а в специальном постановлении ЦК от 9 августа 1921 года потребовал от коммунистов прекращения связи с любой конфессией под страхом исключения из партии. Этим был дан ориентир в организационной деятельности не только для партийных, но и для комсомольских органов.

На IV Всероссийском съезде РКСМ (21-28 сентября 1921 года) в Программу союза было включено положение: «...РКСМ ведёт идейную борьбу с религиозными предрассудками, одурманивающими сознание молодого поколения трудящихся» [23, с. 68]. В циркуляре ЦК РКСМ предписывалось пропитывать всю просветительскую работу политическим содержанием, не забывая об антирелигиозной пропаганде» [24, д. 125, л. 4-22]. Даже среди детей младшего школьного возраста рекомендовалось вести политпросветработу с уклоном в сторону антирелигиозной пропаганды [24, д. 204, л. 61].

Так как нэп воспринимался как отступление от социалистических завоеваний, представлявшее угрозу не только существованию молодого государства, но и социалистической идеологии, считалось особенно важным усилить атаку на церковь. Разрушение религиозных центров, утверждение коллективной собственности подавались как пути формирования научного мировоззрения. Пропаганда научных взглядов о природе и обществе больше представлялась в качестве альтернативы религии, чем насущной жизненной необходимостью.

В 1921 году по всей стране прошли показательные общественные суды над религией и священнослужителями. Находясь в эмиграции, об одном из таких судов вспоминал А. Р. Трушнович. Священника Евлогия обвиняли в разврате и подстрекательстве против советской власти: «После фраз, порочивших честь священника, тот молча поднялся, медленно раздвинул полы рясы и показал вириги, в которые долгие годы было заковано его тело. В народе раздались вздохи и возгласы одобрения, а чекисты направили на него штыки. Даже обвинитель на галёрке замолчал, но потом пришёл в себя и продолжал извергать ругательства. Ему рукоплескали командированные на суд коммунисты и комсомольцы. Народ молчал... После судилища люди ожидали священника на противоположной стороне улицы и низко ему кланялись» [22].

Так как настоящие суды над священнослужителями не всегда давали ожидаемый антирелигиозный эффект, партийные и комсомольские пропагандисты стали использовать более надёжную форму антирелигиозной пропаганды и агитации: суды-инсценировки. В журналах, газетах и отдельными брошюрами стали публиковать специальные сценарии, где всему спектаклю - судебному заседанию придавался явно обвинительный уклон. Так, в инсценировке суда над иудаизмом исполняющий роль раввина сам заявлял, что отправляет молодежь религиозными небылицами и шовинистическими бреднями «сознательно, чтобы держать народные массы в невежестве и в повиновении буржуазии». «Свидетель», увешанный золотыми цепочками и брелками, рассказывал суду, как «еврейская буржуазия с помощью религии держит массы в рабстве и темноте» [18].

Коммунистической молодежи еще разрешалось присутствовать на похоронах родственников и близких, даже если, уважая волю или образ жизни покойного, на них присутствовал священнослужитель. Однако предписывалось искоренять такие «предрассудки». «Правда» писала, что «в рядах обывательских масс» не должно было быть «спутанности понятий о задачах, преследуемых партией в религиозном вопросе». Коммунистические идеологи стремились, чтобы не возникло «превратного взгляда, [что] якобы коммунизм в его целом признает религию и её служителей» [7].

Особую остроту борьба с религией приобрела в период кампании по изъятию церковных ценностей. Тотальное изъятие церковных ценностей осуществлялось под фарисейским лозунгом борьбы с голодом. Работу по оказанию помощи голодающим начала церковь. С благословения патриарха Тихона был создан спе-

циальный комитет, в помощь голодающим жертвовались ценности. Духовенство и миряне собирали большие денежные суммы, продукты, вещи, брали на воспитание сирот. Однако постепенно инициативы церкви все более отвергались. 27 декабря 1921 года был издан декрет ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях». В нём критиковались «наблюдающиеся за последнее время ликвидации имущества органами местной власти путём неорганизованной продажи или передачи группам верующих» [2]. 2 января 1922 года на заседании ВЦИК было принято постановление «О ликвидации церковного имущества» и вышел декрет об изъятии музейного имущества. 16 (23) февраля 1922 года ВЦИК издал декрет «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» [21, № 19, с. 217]. Причем в ходе обсуждения декрета из проекта исчез пункт о возможности замены в исключительных случаях ценностей на равное по весу количество золота или серебра в других изделиях или слитках. Декрет исключил возможность участия духовенства в процессе изъятия. Предусматривалось лишь обязательное привлечение групп верующих, в пользовании которых находились церковные драгоценности. Начатое в феврале 1922 года массовое изъятие церковных ценностей изначально выглядело как насильственное изъятие, демонстративное ограбление. В переплав пошли священные предметы, ризы с особо чтимых икон. В Тамбове, например, сняли ризу с иконы Тамбовской Божией матери и при помощи «обновленцев» – серебро с раки св. Питирима [1, с. 61]. Ситуация в отношениях государства и церкви резко усугублялась кощунственным поведением в храмах членов комиссий по изъятию ценностей. Варварское обращение с православными святынями оскорбляло и без того ущемленные религиозные чувства прихожан. Не помогли исправить ситуацию и телеграммы в губкомы и губисполкомы Председателя ВЦИК М. И. Калинина.

Это не могло не вызвать противодействия со стороны духовенства и верующих. Во многих местах произошли вооруженные столкновения с отрядами ЧОН и ГПУ. Приходские советы выносили решения против изъятия ценностей, миряне образовывали дружины для охраны храмов. В результате проведенная карательными методами кампания по изъятию церковных ценностей 1922 года не достигла целей по сбору необходимых средств. Церкви был нанесён сильнейший удар, но она сумела сохранить свои организационные структуры. В тоже время согласимся с Н. А. Кривовой: «Было создано условие построения агрессивного настроенного к церкви государства, что стало возможно только при пассивном участии народа и его религиозной равнодушии, ставшим социальной базой политики «воинствующего атеизма». Власти добились основного – на глазах у населения громили соборы, судили духовенство, загоняли церковь в подполье, а большинство молчало» [12].

Именно в ходе кампании по изъятию церковных ценностей VI отделение Секретного Отдела ГПУ стало регулярно готовить рассылаемые на места информационные сводки о сопротивлении антирелигиозным действиям властей. В марте–мае 1922 года в этих сводках сообщалось о репрессиях в отношении духовенства практически во всех регионах страны. Однако ценность их как источника знаний для тогдашнего политического руководства о реальных настроениях населения следует оценить низко, так как многие сообщения не точны, приблизительны. Тон изложения изначально тенденциозен: главная задача сводок заключалась в отрицательной оценке стремления священнослужителей противостоять государственному разграблению храмов.

С одной стороны, в сводках можно встретить сведения о самых разных поступках представителей власти, духовенства и верующих. С другой стороны, прослеживается определенная общая закономерность хода событий: острое неприятие верующими изъятий приводило к силовым мерам органов власти, государственное насилие заставляло верующих и духовенство действовать более конформистски.

В Тамбовской губернии параллельно с изъятием ценностей из церквей по инициативе губкома РКП(б) производилась тайная работа, направленная на раскол местного духовенства. Секретарь губкома партии в апреле 1922 года сообщал, что «вероятно, мы первые в республике предугадали тактику ЦК о расколе духовной иерархии» [5].

На самом деле именно неудачи в начале кампании по изъятию церковных ценностей подтолкнули не только многие местные партийные и государственные органы, но и центральную власть к шагам, направленным на раскол духовенства. 3 апреля 1922 года ГПУ при НКВД РСФСР разослало полномочным представителям и губернским отделам ГПУ шифротелеграмму, где указывалось: «Газетная кампания по поводу изъятия ценностей ведётся неправильно. Она направлена против духовенства вообще. Эта сатира бьёт по низшему духовенству и сплачивает духовенство в одно целое. Политическая задача данного момента совсем не та, а противоположная. Нужно расколоть попов или вернее углубить и настроить существующий раскол... Политическая задача состоит в том, чтобы изолировать верхи церкви, скомпрометировать их на конкретнейший вопрос помощи голодающим и показать им суровую руку рабочего государства...» [25].

Именно так начал осуществляться курс на разрушение Русской Православной Церкви изнутри – организацию её раскола, столкновения соперничающих группировок. Делалось это из-за тактических побуждений. Ведь обновленческое крыло Церкви рассматривалось лишь как меньшее зло на данном этапе антирелигиозной борьбы. Уже в марте 1922 года Л. Д. Троцкий в этой связи писал в секретной записке в Политбюро ЦК РКП(б) об обновленцах как опаснейшем враге завтрашнего дня: «Если бы медленно определяющееся буржуазно-соглашательское сменовеховское крыло церкви развилось и укрепилось, то она стала бы для социалистической революции гораздо опаснее церкви в её нынешнем виде. Ибо, принимая покровительственную «советскую» окраску «передовое» духовенство открывает себе тем самым

возможность проникновения в те передовые слои трудящихся, которые составляют или должны составлять нашу опору». Пока же, во время кампании по изъятию церковных ценностей, Л. Д. Троцкий считал очень полезным использование обновленцев для критики консервативной части священнослужителей: «...Мы должны сменеховским попам дать возможность открыто высказываться в определённом духе, нет более бешеного ругателя, как оппозиционный поп» [2].

Сложность осуществления политики раскола церкви привела к созданию при ЦК РКП(б) единой комиссии по всем церковным и антицерковным делам. Она заменила сразу несколько комиссий, создававшихся ранее при центральных партийных и советских органах. На первом своём заседании данный орган получил официальное название: Комиссия по проведению отделения Церкви от Государства (КОМОТЦЕРГОР), но в исторической науке за ней закрепилось другое название – Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б). Именно она была призвана сосредоточить в своих руках политический контроль над антирелигиозной деятельностью государства. В состав комиссии входили представители комсомола.

Декретом ВЦИК от 12 июля [21, № 40, ст. 477] и постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 3 августа 1922 года [21, № 49, ст. 622] вводилась обязательная регистрация любых «обществ, союзов и объединений» (включая религиозные общины) в Народном Комиссариате Внутренних Дел и его местных органах, которым теперь принадлежало право разрешать или запрещать существование таких общин. В соответствии с инструкцией ВЦИК от 10 августа 1922 года при регистрации обязательным было предоставление полных сведений о каждом из членов общины. Предусматривался отказ от регистрации, «если утверждаемое Общество или Союз по своим целям или методам деятельности противоречат Конституции РСФСР и её законам» [21, № 49, ст. 629].

Впрочем, в то время, когда руководство коммунистической партии и советского государства озаботилось проблемами раскола Православной церкви, классовый подход в комсомоле исключал возможность дифференцированного подхода к духовенству, все духовное сословие рассматривалось в качестве враждебной антинародной силы. Как пелось в комсомольской частушке: «Что равнины, что попы / Стало одинаково» [24, д. 379, л. 64].

В государственных органах также была заметна тенденция к усилению антирелигиозной деятельности «на всех фронтах». 30 марта 1922 года ГПУ был издан циркуляр, где во избежание волнений среди русского населения, увидевшего в изъятии церковных ценностей репрессии лишь против Русской Православной Церкви, предлагалось «повести усиленную агиткампанию путём печатания [не] только против духовенства православной церкви, но и против служителей других культов, противившихся изъятию ценностей». При осуществлении репрессивных мер циркуляр рекомендовал действовать вне зависимости от конфессиональной принадлежности служителей культа, «одинаково карая их всех» [26].

В местах массового проживания евреев прокатилась волна закрытия синагог. Среди еврейской молодежи проводились кампании против религиозных праздников, против субботнего отдыха, против соблюдения правил кошерной пищи, против выпечки мацы на Пасху. Главную роль в антирелигиозной борьбе среди еврейского населения играли евкомы и евсекции. Одна из активистов антирелигиозного движения Эстер Фрумкина провозглашала: «Ради самих евреев мы должны одинаково обращаться с духовенством – еврейским и не еврейским. Опасность состоит в том, что массы могут подумать, что иудаизм исключён из числа объектов антирелигиозной пропаганды. Вот почему коммунисты-евреи должны быть более жесткими к раввинам, чем коммунисты-неевреи к священникам» [18].

Впервые были предприняты серьёзные шаги, направленные на борьбу с «контрреволюцией, прикрывающейся флагом сектантства». После кампании по изъятию церковных ценностей, нанесшей главный удар по православным священникам – ортодоксам, у большевистского руководства возникли серьёзные опасения насчёт сектантов, способных аккумулировать значительное число сторонников из верующих, отвернувшихся от ортодоксального православия. В циркуляре ЦК РКП(б) «О постановке антирелигиозной пропаганды» 4 февраля 1922 года прямо указывалось на сектантскую опасность: «...Можно ожидать уклона в сторону рационализации мистического, доселе религиозного мирозерцания и использование этого сдвига буржуазными элементами. Необходимо разъяснить, что этот уклон к религиозному рационализму (в протестанско-евангельскую сторону) представляет собой опасность нового духовного закабаления масс» [17, д. 184, л. 3-4].

Во исполнение декретов ВЦИК и СНК РСФСР от 3 августа 1922 года и инструкции ВЦИК от 10 августа 1922 года была проведена проверка регистрации обществ, союзов и объединений, не преследующих целей извлечения прибыли. В результате проверки к 1 января 1923 года все «незарегистрированные» общины должны были быть распущены. Органы ГПУ с помощью различных уловок сделали для сектантских общин невозможным выполнение требований, указанных в документах, а потом организовали ликвидацию всех незарегистрированных общин. В результате во многих местах, в частности, в Сибири, легальная деятельность евангельских конфессий была прекращена [19, с. 83].

В комсомольских документах расхожим стало обвинительное заключение типа «якшался со священнослужителями» или «имел связь с религиозниками». Ветеран коммунистического молодежного движения из г. О. С. Павлова вспоминала: «На собрании ячейки Тамбовского строительного техникума, куда подали заявление о приеме в комсомол, меня спросили: “Веришь в Бога?” Я тут же выпалила: “Ни в Бога, ни в черта не верю!” и расплакалась. А какой-то дотошный парень продолжал: “А давно ли к попу бегала?” – “Учиться хотела – вот и бегала...” Я ведь занималась у жены священника, она когда-то была учительницей в

церковной школе. Особых знаний, конечно, учеба не дала, но читать-писать научилась” [15]. В данном случае “контрреволюционный контакт” оказался почти безнаказанным. Как говорила Ольга Степановна, “испугом отделалась”. И это было действительно так, хоть условно, но в комсомол ее приняли.

Надо сказать, что вопреки официальной политике ЦК комсомола на местах нередко принимали в коммунистический союз молодёжи и выходцев из семей священнослужителей. Инструктор ЦК комсомола А. Ленецкий, побывавший в Чувашии, отмечал в связи с этим, что в комсомол шла молодёжь из всех слоёв, в том числе и «поповичи». «Заклейменные поповским происхождением», всеми силами работая в союзе, они старались доказать свою полезность. Из комсомольцев-поповичей большой процент выходил в активисты [10, с. 159-167]. Неприязнь к религии, которая чуть было не привела к крушению их жизненных планов, многие из них сохранили на всю жизнь. В личной беседе уже на склоне лет та же О. С. Павлова с восторгом вспоминала свое участие в антирелигиозной работе в юности, отметив, что и в 1980-е годы, живя за 200 метров от церкви, в ней ни разу не была.

Большую роль борьба с религией играла для комсомола в русле общей борьбы за установление своей монополии в молодежном движении России. Рассматривая на закрытом заседании 26 октября 1922 года вопрос о тактике по отношению к некоммунистическим организациям молодежи, ЦК РКСМ особое внимание уделил союзам христианской молодежи. Среди намеченных мер, направленных на борьбу с ними: недопущение в ряды религиозных организаций лиц моложе 18 лет; запрещение священнослужителям различных религиозных культов занимать выборные должности; постоянная материальная изоляция (высокая стоимость помещения, переписки, запрет сборов и концертов и т.д.); возбуждение преследований в административном порядке за агитацию против армии, всеобщая, уплаты налогов; устройство диспутов и антирелигиозных кружков. Ключевая фраза в постановлении: “Объединений не допускать!” [16, оп. 3, д. 32, л. 68].

Наиболее распространенными формами антирелигиозной деятельности комсомола в начале 1920-х годов были так называемые «комсомольское рождество» и «комсомольская пасха». Важное значение для становления данных форм работы имели проведенные осенью 1921 года Евсекцией при ЦК РКСМ антирелигиозные кампании. Они сопровождались массовыми митингами и демонстрациями. В январе 1922 года повсеместно рекомендовалось проводить обход по домам с красной звездой, “слава Советскую власть”, устраивать “красные елки”. Основным лозунгом кампании было: “Смотр низложенных богов”. Комсомольцы должны были показать, что в празднестве нет никакой святости, что никакие боги не рождались и не умирали, что новому поколению не нужны ни боги, ни черти.

Мероприятия, связанные с «комсомольским рождеством» прошли и в районах компактного проживания нерусского населения. В частности, впервые антирелигиозная пропаганда немцев Поволжья была перенесена на улицу. В Покровске в вечер Рождества на площади между двумя церквями молодёжь под пение «Интернационала» был разожжён большой костер. Далее последовали речи членов РКСМ и РКП(б). «Праздничные» действия комсомольцев вынудили пастора провести богослужения быстрее, чем обычно [16, оп. 23, д. 38, л. 37].

В комсомольских ячейках Томской губернии именно к религиозным праздникам конца декабря – января приурочили проведение общественных судов над религией, которой выносился однозначно обвинительный приговор, после чего происходило ее символическое сожжение. Практически повсеместно сжигали и «чучела попов». В некоторых местах на подобных судилищах присутствовало до 1500 человек [16, оп. 23, д. 60, л. 142-144].

Позже сам ЦК РКСМ признавал, что «комсомольское рождество» было подготовлено плохо. Литература вышла лишь накануне мероприятия. 27 января 1922 года ЦК РКСМ постановил провести «комсомольскую пасху» с большей подготовкой и привлечением Народного комиссариата просвещения [6, с. 305-306]. Однако качественного перелома не произошло.

В упомянутой выше Томской губернии добавились новые формы работы: диспут, выставка антирелигиозной литературы, постановка антирелигиозных пьес. Но внимание масс привлекали в первую очередь прежними способами: проводились «комсомольские богослужения», хождения ряженных, на балконе одного из клубов устроили пахабную «пляску попов». В Кузнецке сожгли соломенную фигуру священнослужителя. Между прочим, по результатам кампании Томский губком РКСМ заявлял, что религия «поколебана». Правда, от приведённых примеров-доказательств остаётся явно неоднозначный резонанс. Во всяком случае вряд ли даже атеист должен обрадоваться рассказу об отказе от веры старика, которому комсомолец якобы доказал, что «бога нет»: «Старик внимательно слушал. Потом встал и запустил поленом в икону» [16, оп. 23, д. 60, л. 142-144].

На рубеже 1922-1923 годов печать развернула кампанию против “примиренцев” в комсомоле. Так называли тех, кто хоть сам и не верил в Бога, но ко многим религиозным праздникам относился как к красивым традициям, которые не мешают коммунистическому строительству. Газета “Безбожник” давала поистине издевательскую отповедь приверженцам подобных взглядов, сравнивая следование традициям отцов и дедов с возвращением к обычаям первобытного общества, когда “предки жили в звериных норах и пещерах, питались человеческим мясом, прикрывали голое тело звериными шкурами, жили беспорядочными, стадными, групповыми семьями” [11]. Комсомольцы призывались праздновать свои праздники, посвященные победам над классовыми врагами трудящихся и над силами природы. Ценность новых праздников видели в комсомоле в поклонении не святым, воспринимаемым молодёжью как нечто мифическое, а людям, которые

пострадали за строительство коммунизма, то есть за комсомольцев. Про один из главных новых праздников Е. М. Ярославский писал: “Не святители чтутся в этот день, не чудеса какие-нибудь случались в день 1 мая... В день 1 мая крестьянин и рабочий почувствует, что есть праздник, объединяющий все трудовое человечество без различия вер, без различия языка, только на основе союза труда и борьбы за освобождение этого труда” [27, с. 194]. В тоже время комсомольцы обязывались не устраняться от религиозных праздников, а использовать их в интересах антирелигиозной пропаганды, демонстрируя, что “молодежь не верит богам земным и небесным и стаскивает их на землю, показывает их такими, каковы они без прикрас” [27, с. 205]. Авторитетный большевик И. И. Скворцов-Степанов призвал использовать для повышения интереса юношества в деле овладения материалистическим мировоззрением разнообразные эмоциональные формы организации этой деятельности [20].

Интенсивная подготовительная работа комсомольцев к рождественским мероприятиям способствовала хождению самых невероятных слухов. В частности, недели за две до «комсомольского рождества» по стране упорно распространились слухи, что комсомольцы будут врывать в церкви, вытаскивать иконы и кресты, сжигать их, избивать священнослужителей. Население боялось, что комсомольский праздник станет очередным крупным актом вандализма, как во время изъятия церковных ценностей. Определённое влияние на общественное настроение оказал упавший в Царицыне метеорит. Это растолковывали как божий знак, предостережение об опасности, которую вызвали прогневавшие Бога коммунисты. Было немало случаев, когда люди приходили в местные органы власти и просили предотвратить сожжения и демонстрации у церкви [3, с. 59]. О накале страстей можно судить по реплике из толпы во время сожжения макета церкви в Омске: «...Говорили, что настоящие церкви будут громить» [13, с. 66].

Специально созданным во многих городах комиссиям по проведению антирелигиозных рождественских мероприятий пришлось приложить немало усилий для успокоения населения. В первую очередь использовали местную печать, пытавшуюся мобилизовать общественное мнение в пользу праздника.

В некоторых районах особые опасения возникли у представителей еврейской диаспоры, боявшихся, что столь массовые антирелигиозные мероприятия в дни православных праздников приведут к еврейским погромам. Во избежание антиеврейских выступлений коммунистические пропагандисты внушали, что антисемитские настроения провоцировала православная церковь. Мол, она способствовала формированию мнения, что евреи – хриstopродавцы, распяли Христа. Убеждало это далеко не всех. Некоторые рассуждали по принципу: «Нет дыма без огня». Определённую часть населения раздражало, что как в центральном, так и в губернских комитетах комсомола работало немало юношей и девушек – евреев по национальности. Именно их общественное мнение связывало с антиправославными инициативами.

Чтобы не возникло мнения, что «комсомольское рождество» – только противохристианский праздник было решено направить его против всех религий. Курский губернский комитет РКСМ даже хвалился своим остроумием: на разговоры православного духовенства о том, что «не поносились другие религии», комсомольцы в «Курской правде» предложили совместно организовать карнавал против еврейского бога [9, с. 77]. В Тамбове во время «комсомольского рождества» комсомольцы устроили антирелигиозные «богослужения», пародируя не только действия православных, но и католических, мусульманских, иудейских священнослужителей. Принародно были сожжены изображения святых и священнослужителей разных религий [24, д. 401, л. 1].

На рубеже 1922-1923 годов практически в каждом городе комсомольцы организовали антирелигиозные инсценировки и концерты, карнавальные шествия. Выпускались плакаты, листовки, статьи, посвященные празднованию. Во многих местах были прочитаны лекции.

В Устюжне Новгородской области целых два дня проходил диспут «Происхождение религии». С одной стороны выступали ответственные партработники, с другой – священнослужители [3, с. 53]. Впрочем, вряд ли можно назвать диспутом мероприятие, где сторона, представлявшая власть, любой аргумент оппонента клеймила как контрреволюционную пропаганду.

Лекции также состояли в основном из ругательных слов. Вряд ли понятной большинству слушателей была и их «научно-популярная часть». В Нижнедевецком уезде Воронежской губернии, например, темой лекции было «Языческое происхождение рождества христового». Комсомольцы, правда, пытались сделать лекционный материал более доступным для восприятия. Лектор появился в «одеянии халдейского жреца», у церкви провели «пляски и фейерверк», «параллельно жертвоприношению языческую пляску» [8, д. 279, л. 28].

Газета “Комсомолец” 28 января 1923 года рассказывала о прошедшем в канун Рождества карнавале в Курске: “...Тут целая небесная коллекция: разные боги всех времен и всех народов. Есть и бог “Капитал”. Рядом поп, царь и буржуй, а поодаль рабочий с молотом, крестьянин с сохой и красноармеец с винтовкой. Дальше лодка с комсомольцами, ряженые, волхвы и т.д. Подходим к монастырю с пением антирелигиозных песен. Много посторонней публики с удивлением смотрит на это шествие, а потом вылезли из монастыря и, не разобравшись в чем дело, начали креститься (подумали, что идет “живая церковь”). Шуму много, особенно удачной оказалась повозка, где сидели поп, царь и буржуй. Всю дорогу поп благословлял народ. Идем обратно. Наш поп стал на повозку служить молебен, а потом вышел на середину круга и начал всех крестить и благословлять. Подходим к монастырю. Образовали круг. Началось сжигание всех богов, а молодежь вокруг этого костра устроила пляски и танцы, прыгала через огонь и т.д.”. Мероприятие продолжалось в клубе, который украшал лозунг: “До 1922 года Мария рожала Иисуса, а в 1923 году –

комсомоленка”. На плакате была изображена Мария, с ужасом рассматривающая новорожденного комсомольца, у которого в руке книга “Исторический материализм”, а на голове красноармейский шлем.

Ошеломлённые увиденным обыватели проявили вполне объяснимое любопытство. «Эффект громадный, - говорилось, например, в отчёте о шествии в г. Моршанске Тамбовской губернии, - так что в церкви не осталось почти никого за исключением старух» [24, д. 401, л. 10].

На самом деле проявленный интерес вряд ли был идентичен одобрению населением действий комсомольцев. Во всяком случае ругательства по отношению к организаторам рождественских шествий, уничтожение антирелигиозных плакатов были обычными явлениями. В некоторых регионах было зафиксировано резкое падение посещаемости школ и возрастание количества прогулов на производстве в период «комсомольского рождества» [14, с. 196].

Стоит согласиться с А. В. Баланцевым, сделавшим вывод, что от открытого выступления против комсомольцев население удержали ошеломление кощунственным поведением, смущение от собственного богоотступнического любопытства, память о недавних репрессиях и слухи о возможных погромах [3, с. 72].

Надо признать, что и священнослужители способствовали предупреждению подобных конфликтов. Во многих местах, узнав о предстоящих комсомольских шествиях, церковные службы были перенесены или отменены именно из-за стремления избежать столкновений [24, д. 401, л. 9-14]. Комсомольцы же вели себя откровенно вызывающе, практически провокационно.

В листовке Тамбовского губкома комсомола “Подарок от комсомольского рождества для обывательского торжества” неизвестный самодеятельный автор не только радовался своим достижениям («К правде нашли мы дорогу, / Сброшен угарный дурман»), но и фактически угрожал верующим («Прячься в глубокие дыры, / Тот, кто от жизни отстал...») [24, д. 401, л. 1-2].

В Богородске состоялся политический суд над религиозной молодёжью. В Гороховце устроили политсуд над игуменом, обвиняя его в злостной клевете на РКСМ и призыве к гражданской борьбе с безбожниками [16, оп. 23, д. 156, л. 78-85].

Обратите внимание: в то время как сами комсомольцы в борьбе с религией считали праведными обвинения как священнослужителей, так и верующих в контрреволюционном поведении только на основании их приверженности той или иной религии, даже элементарный призыв к защите религии воспринимался коммунистической молодёжью как преступление.

Комсомольцы считали, что против верующих можно применять далеко не только силу пропаганды. Показательно что на многих комсомольских собраниях перед «комсомольским рождеством» в серьёз обсуждался вопрос: «Брать или не брать с собой оружие?» [16, оп. 23, д. 93, л. 142-143]. Партийные и государственные органы запретили комсомольцам идти на антирелигиозные мероприятия вооружёнными. Однако для подстраховки усиливались наряды милиции, во многих местах и в толпу были влиты сотрудники ГПУ.

Хотя комсомол и партийные органы смогли предотвратить какие-либо антикомсомольские выступления, сами рождественские антирелигиозные мероприятия в отличие от слухов наглядно продемонстрировали населению, что коммунистическая власть способна на самые радикальные поступки в отношении церкви и религии.

Местные комитеты комсомола, отчитываясь перед ЦК РКСМ о проведении «комсомольского рождества» как положительное явление отмечали, что мероприятие вызвало «злобу среди обывателей, стариков и остальных религиозных слоёв населения» [9, с. 76], хвалились, что «наделали громадный шум среди обывательщины» [24, д. 401, л. 14]. Негодование духовенства и «обывательской» общественности приравнивалось комсомольцами к трусости, боязни духовенства потерять паству [16, оп. 23, д. 156, л. 78-85]. Причины отсутствия открытых выступлений тоже были истолкованы слишком упрощённо: «Паства оказалась не настолько религиозной, чтобы устраивать волнения» [24, д. 401, л. 14]. В качестве особых достижений во время кампании назывался срыв богослужений [24, д. 401, л. 9-14].

Самонадеянно посчитав кампанию «комсомольского рождества» успешной, комсомол решил и далее проводить подобные мероприятия. На самом деле после «комсомольского рождества» начала 1923 года, во властные инстанции хлынул поток жалоб, особенно от крестьянства. Провальными для комсомола стали очередные выборы в советы. Масштабного снижения уровня религиозности масс в результате «штурмового натиска» на религию не произошло, а напряжённость во взаимоотношениях власти и населения благодаря антирелигиозной деятельности государства усиливалась. Комсомол являлся государственным механизмом, наиболее усиливающим эту напряжённость.

Список литературы

1. Алленов А. Н. К истории отношений государства и церкви в первые годы советской власти // Наш край Тамбовский. Тамбов, 1991.
2. Архивы кремля. Политбюро и церковь 1922-1925 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.unilib.neva.ru/dl/327/Theme_10/Sources/Soc_polit_life/Kremls_archievs.htm (дата обращения 19.03.2009).
3. Баланцев А. В. Антирелигиозная деятельность комсомола (1918-1925 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2008. 253 с.
4. Баланцев А. В. Влияние семьи на религиозность комсомольцев (1920-1923 гг.) // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета. СПб., 2007. Вып. V.

5. *Востоков Д.* Все нужные аресты производить до окончания пасхальной недели // *Город на Цне.* 1993. № 2.
6. *Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет: 1917-1932.* М.: ОГИЗ, 1932. 319 с.
7. *Галкин (Горев) Мих.* Коммунизм и религиозные обряды // *Правда.* 1921. 15 мая.
8. *ГОАПИВО* (Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области). Ф. 6. Оп. 1.
9. *Из истории Курской областной комсомольской организации (1918-1970 гг.).* Курск: Курская правда, 1972. 469 с.
10. *Комсомол в деревне: очерки* / под ред. проф. В. Г. Тана-Богораза. М.-Л.: Мол. гвардия, 1926.
11. *Комсомольское рождество* // *Безбожник.* 1923. 1 января.
12. *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922-1925 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html> (дата обращения: 08 мая 2009).
13. *Неживых Н. А.* Взаимоотношения партийных и советских органов с православной церковью в 1920-1929 гг. (на материалах Западной Сибири): дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1998. 206 с.
14. *Нижегай Э. Н.* Городская культура Кубани и Черноморья, 1920-е годы: дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1999. 248 с.
15. *Павлова О.* Сурового времени дети // *Комс. знамя.* Тамбов, 1983. 21 окт.
16. *РГАСПИ* (Российский государственный архив социально-политической истории) Ф. М.-1.
17. *РГАСПИ.* Ф. 89. Оп. 4.
18. *Резник С.* Вместе или врозь? Богоборчество [Электронный ресурс] // *Вестник Online.* 2004. 1 сент. URL: <http://www.vestnik.com/issues/2004/0901/koi/reznik.htm> (дата обращения: 08 марта 2009).
19. *Савин А. И.* Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)–ВКП(б) и евангельские церкви в 1922-1929 гг. // *Государство и личность в истории России.* Новосибирск, 2004.
20. *Скворцов-Степанов И. И.* Почему бы нам не справлять религиозные праздники // *Правда.* 1922. 15 ноября.
21. *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства.* М., 1922.
22. *Трушинович А. Р.* Воспоминания корниловца [Электронный ресурс]. URL: http://www.dk1868.ru/history/zar_korn5.htm (дата обращения: 17 марта 2009).
23. *Товарищ комсомол:* док. съездов, конф. комсомола и ЦК ВЛКСМ: в 2-х тт. М.: Мол. гвардия, 1969. Т. 1. 606 с.
24. *ЦДНИТО* (Центр документации новейшей истории Тамбовской области). Ф. 1205. Оп. 1.
25. *Шифротелеграмма ГПУ при НКВД РСФСР полномочным представительствам и губернским отделам ГПУ с текстом циркуляра ЦК РКП (б) № 7225/ш от 3 апреля 1922 г. о проведении агитационной кампании в целях углубления раскола православного духовенства и дискредитации верхов Русской православной церкви в связи с их позицией по вопросу об изъятии церковных ценностей* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gasur.narod.ru/cdni/doc/church/doc7.htm> (дата обращения: 20.03.2009).
26. *Шифротелеграмма Полномочного представительства ГПУ на Урале (г. Екатеринбург) Вотскому областному отделу ГПУ с текстом циркуляра ГПУ при НКВД РСФСР от 30 марта 1922 г. о необходимости проведения агитационной кампании и привлечении к ответственности служителей всех конфессий, противящихся изъятию культовых ценностей* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gasur.narod.ru/cdni/doc/church/doc16-18.htm> (дата обращения: 20.03.2009).
27. *Ярославский Е.* На антирелигиозном фронте. Изд. 2-е, доп. М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. 288 с.

**STATE POLICY CONCERNING RELIGION
AND POLITICAL CONTROL OVER YOUTH IN THE BEGINNING OF THE 1920s**

Slezin A. A.

*History and Philosophy Department
Tambov State Technical University
slezins@mail.ru*

Abstract. The legislative basis and law enforcement practice of the Soviet state concerning religion during the period of the transition to NEP are investigated in the article. The features of the realization of the state function of political control over youth and the role of Komsomol in the antagonism of state and church are shown.

Key words and phrases: Komsomol; Communist Party; court; legislation; political control; religion; NEP.